

К. П. ДОБРОЛЮБСКИЙ

ТЕРМИДОРИАНСКАЯ РЕАКЦИЯ

общественное настроение в Париже во время термидорианской реакции по наблюдениям немцев-очевидцев

Историк-марксист. 1926. № 1. М.96-122

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

I

9-е термидора II года французской республики (27-го июля 1794 г.), день падения Робеспьера, было поворотным пунктом в развитии французской революции: движение по линии восходящей сменилось движением по линии нисходящей. Парижские секции не поддержали Коммуну и Робеспьера против Конвента и тем способствовали победе коалиции части монтаньяров с умеренными.² Режим крайнего террора, сделавшийся угрожающим и для сторонников нового порядка вещей и ненужным после блестящих побед французских армий летом 1794 г., теперь, под влиянием общественного мнения, прекратился;³ на политическую сцену вновь выступили те слои населения, которые самоустранились ли были устранены после падения монархии и при господстве якобинцев, т.е. средняя и крупная буржуазия. Объективным результатом 9-го термидора была общественная и правительственная реакция; господствовавшие в Конвенте термидорианцы объявили борьбу как террористам, так и роялистам, и подготовили торжество цензовой, буржуазной республики. Это время термидорианской реакции изучено значительно хуже, чем предшествующие этапы французской революции. Оно дает яркий пример теснейшей связи между реакцией и общественным настроением данного периода, и в этом отношении представляет большой интерес для изучения такой редкой и неиспользованный историками источник, как письма немцев-очевидцев из Парижа в 1795 г.

Передовые слои западноевропейского общества, противники старой аристократии и выразители интересов торгово-промышленной и мелкой буржуазии со вниманием следили за развитием французской революции и радовались ее успехам. В этом отношении особенно характерны приветственные адреса представителям революционной Франции от ряда реформистских обществ самой передовой по своему экономическому развитию страны - Англии. Эти адреса, выражавшие сочувствие французской революции, радость по поводу «торжества свободы и разума над деспотизмом» и горячие пожелания успеха, посылались в 1790-93 гг. не только радикальными английскими обществами, как-то: «Лондонским обществом сношений» (London Corresponding Society) и «Обществом конституционных знаний» (Society for Constitutional Information), но и многими либеральными обществами, как, напр., «Лондонским революционным обществом» (London Revolution Society, некоторыми обществами вигов и «друзей народа» (Friends of the People).⁴ Такое же сочувственное отношение к французской революции наблюдается и в Германии; интерес к ней не исчез и в 1795 г. Так, напр., немецкий историк И.В.Архенгольц издал в Гамбурге 2 тома: «Miscellen zur Geschichte des Tages», которые посвящены, главным образом, французской революции и являются преимущественно сборником материалов.⁵ В единственной имеющейся там статье о характерных чертах французской революции⁶ последняя изображается, как непредвиденная, удивительная, невиданная и беспримерная в истории.⁷ Автор статьи придает, как идеалист, преувеличенное значение идеям Руссо в качестве одной из причин революции⁸ и, развивая мысли Руссо, приходит к выводу, что нельзя ставить главной целью общественное свободное пользование частной собственностью; наивысшее развитие способностей человека является конечной целью общества; может ли наличность частной собственности служить средством для этой возвышенной цели, - это другой вопрос; во всяком случае средство не должно превращаться в цель.⁹ Считая человеческую природу способной к бесконечному усовершенствованию, он полагает, что опыта истории недостаточно для того, чтобы судить о возможностях будущего.¹⁰ До сих пор не было свободного общества, которое поставило бы своей задачей провести в жизнь права человека, а теперь в принципах французской революции мы видим «зарю свободы».¹¹

Создание первичных собраний конституцией 1793 года разрешило, по мнению автора, вопрос о введении демократии в большом по своей территории государстве.¹² На жестокостях, совершенных во время революции, он не останавливается, упомянув лишь, что они «свойственны всем революциям».¹³

Для историка более интересен другой журнал: «Frankreich im Jahre 1795. Aus den Briefen Deutscher M?nner in Paris», появившийся в Альтоне в 1795 г. В 3 томах и 12 выпусках. Он содержит в себе регулярные письма из Парижа нескольких корреспондентов об общественном настроении; выдержки из дневников немцев, бывших тогда во Франции; ряд сообщений о мнениях и произведениях отдельных политических деятелей; иногда сокращенные протоколы заседаний Конвента, напр., от 1-го прериаля 1795 г.;¹⁴ отрывки из некоторых мемуаров, напр., m-me Ролан: «Обращение к беспристрастному потомству» (Appel ? l'impartiale post?rit?¹⁵); иногда отдельных статей из газет;¹⁶ наконец, небольшие сообщения о театральных пьесах и представлениях, о новых книгах с краткой характеристикой их¹⁷ и о новых песнях, иной раз с приложением музыки.¹⁸

Весь этот материал корреспонденты журнала собирали в Париже и посылали издателю. Так, один из корреспондентов в письме к издателю от 20 февраля 1795 г. Сообщает ему, что он собрал для него 143 небольших произведения, касающихся падения Робеспьера и «ужасных» якобинцев, 14 вещей относительно «хвоста» Робеспьера, а послал ему последнюю речь, произнесенную Робеспьером накануне своего падения, т.е. 8-го термидора 1794 г.¹⁹

Для нас наибольший интерес в журнале представляют письма и сообщения самих корреспондентов об общественном настроении в Париже в последний год существования Конвента, особенно с весны 1795 г. Это было время кризиса господства термидорианцев. В течение полугода произошло 3 движения, направленные против термидорианского Конвента: народных масс предместьев 12 жерминаля (1/IV) и в начале прериала (в 20 числах мая) и большинства парижских секций, ставших антидемократическими, 13-го вандемьера (5/X).

Для изучения общественных настроений в Париже во время термидорианской реакции основным источником являются полицейские донесения и отчасти газетный материал, изданный А.Оларом.²⁰ Важность, сравнительно большая объективность и точность этих донесений агентов наблюдения высоко оцениваются как Оларом,²¹ так и теми немногими историками, которые частично использовали этот материал: Г.Девиллем в его работе о Термидоре и Директории,²² Е.Тарле, описавшем настроения рабочих в конце Конвента и при Директории, главным образом, на основании этого источника,²³ и Н.Кареевым, затронувшим полицейские донесения при рассмотрении вопроса о роялистских настроениях и агитации роялистов перед 13-м вандемьера 1795 г.²⁴

Представляет теперь особый интерес сопоставить наблюдения живших тогда в Париже немцев, не ослепленных предубеждением и ненавистью к революции и к французской республике, с донесениями специальных правительственных агентов наблюдения. Что же касается мемуаров, то они, помимо чрезмерной субъективности и пристрастия, часто содержат, будучи написаны позднее, массу ошибок памяти. Их можно лишь отчасти принимать во внимание при сопоставлении или недостаточности других более объективных и точных показаний.

Все корреспонденты дружелюбно расположены к Франции, к революции и к Конвенту и симпатизируют более умеренным республиканцам, стремившимся к установлению во Франции буржуазной республики. Один из них (подписывается Т.) прямо причисляет себя «к горячим друзьям и защитникам парижского народа».²⁵ Он же полагает, что «Французская революция не является делом умышленного произвола, что она была неизбежна (unvermeidlich) и что она с самого начала стремилась к возвышенной цели».²⁶ Этот корреспондент впечатлителен, как парижанин. Начиная свое письмо от 27/V 1795 г. о прериальском восстании, он пишет издателю: «Наконец, я имею достаточно покоя в себе и вокруг себя, чтобы собраться с мыслями и сказать тебе, в каком потоке событий я кружился в последние дни. Никогда я не чувствовал более живо, как сильно личное участие в крупных событиях поднимает внутреннее чувство бытия, как крупные внешние движения сообщаются внутреннему человеку, возбуждают его способности и поднимают его над своим маленьким я, которое в обыкновенной жизни так легко становится предметом нашей исключительной заботы. Еще бушует горячая жизнь во всех моих членах, и мне кажется, что я удалился от мира, усевшись тут спокойно, чтобы рассказать, что только что произошло здесь в моем новом отечестве».²⁷ Накануне 1-го прериала корреспондент замешался в шумную толпу женщин, а 1-го прериала «хитростью и обманом» постарался попасть на заседание Конвента.²⁸

Он сознает различие между большим, бурным и революционным Парижем и небольшими, спокойными немецкими городками, для жителей которых предназначены его корреспонденции: «Из этого вы, почтенные, спокойные немецкие бюргеры, узнающие на одном конце города через два часа после родов неизвестной вам женщины на другом конце города, родился ли мальчик или девочка, и определенно знающие при каждом башенном звоне, о каком незнакомом умершем идет дело, - вы можете из этого видеть, как мало вы а состоянии судить о французских и особенно парижских происшествиях среди ваших спокойных четырех стен... Только не забывайте также, что всякий хорошо обоснованный надлежащий покой в мире покупается ценой многократных волнений, и что совершенно бездеятельный покой ведет к тлению».²⁹

Другой корреспондент (подписывается L.) считает, что умеренная республика удержится во Франции, что ее будет защищать большинство собственников и что энтузиазм свободы у молодежи не ослабел.³⁰ «Я знаю, - говорит он еще в другом письме от II/1X 1795 г., - что действие первой революции, бывшей неопровержимо делом общественного мнения, должно остаться и что настоящая контр - революция в интересах дворянства и духовной иерархии является настоящей бессмыслицей (ein wahres Unding)».³¹ Этому же корреспонденту принадлежит едкая характеристика «хорошего общества» Парижа.³²

Третий корреспондент с презрением относится к сторонникам старого правительства с его «мерзкими злоупотреблениями». Считая роялистов не опасными для республиканцев в серьезной борьбе, он говорит, что «одна эта мысль может утешить тех, кто на алтаре гражданской свободы поклялся в вечной ненависти к королевскому деспотизму и аристократии». Свои надежды он возлагает на мужественных республиканцев: «Их дело победит, - восклицает он, - должно победить, или Франция и вся культурная Европа погибнут».³³ Он возмущается ложью, которую приверженцы старого режима распространяют в Европе о французской революции и республике.³⁴

Четвертый корреспондент настроен республикански и антироялистически, ищет знакомства с знаменитым английским радикалом и членом французского Конвента Т.Пэном и знаком с известными умеренными республиканцами - Мерсье и Луве.³⁵

При изображении термидорианской реакции немецкие корреспонденты останавливаются главным образом на общей характеристике реакции, на настроениях отдельных общественных слоев и партий, особенно «хорошего общества» и роялистов, и на последних трех движениях против Конвента в 1795 году.

II

Тон общественной реакции против террора после 9-го термидора задавало «хорошее общество». Один из корреспондентов дает следующую резкую характеристику действий этого общества за период времени после 9-го термидора - II г. (27/VII-1794) и кончая 13-м вандемьера IV г. (5/X-1795):

«Оно запятнало себя своими интригами, своим корыстолюбием, своим презрением ко всему, что не является деньгами или не имеет ценности денег, и вообще всем своим поведением во время первых годов революции. При господстве террора, неистовство которого оно, главным образом, возбудило, оно больше всего подвергалось его преследованиям; следовательно, больше всего в его пользу должна была быть также и реакция, явившаяся следствием неожиданного падения тирана». Вместо того, чтобы «давать остальным гражданам пример умеренности, уважения к закону и власти», представители «хорошего общества» «предпринимали смешные походы против террористов, устраивали шумные выступления в театрах, нарушали общественное спокойствие глупыми воинственными песнями, отличали себя по цвету отворотов (платья) и по форме своих косичек, возбуждали умы постоянными криками об убийствах и мести, делали сами или через посредство наемных писателей самые грубые выпады против правительства, которое дружественно протянуло им руку, взяли под свою защиту массу опозоренных плутов, которые, после того как продавались всем партиям, теперь были оплачены дороже за то, что надели на себя маску роялизма; одним словом, они действовали так, как будто они задалась специальной целью сделать себя ненавистными для одной части граждан и презренными для большей части».³⁶

Эта характеристика соответствует тому, что рисуют нам полицейские донесения и газеты, которые пестрят сообщениями о выступлениях этих антиякобинцев.³⁷ Подвиги тогдашней «золотой молодежи» (la jeunesse dore?) неоднократно описывались и историками.³⁸ Молодые люди (Les Jeunes gens), уклонившиеся от воинской повинности, мюскадены (les muscadins) и щеголи (incroyables), как их называли, в зеленых и черных колетах и с завернутыми кверху косичками, нападали на революционно настроенных рабочих, палками разгоняли собиравшихся в садах, врывались в кафе, где собирались якобинцы и избивали последних, сжигали якобинские газеты, вызвали своими насилиями закрытие клуба якобинцев, устраивали балы жертв гильотины и распевали «Пробуждение народа», эту марсельезу реакции. Песня направлена против «террористов, кровопийц, убийц и душителей»; распевалась она во всех общественных местах: в театрах, в садах и даже на трибунах в самом Конвенте перед открытием заседаний.³⁹

«Эту молодежь, - пишет о подвигах ее роялист Лакретель-младший в своих воспоминаниях о революции, - называли золотой, потому что она носила сюртук вместо карманьолы, шляпу вместо красного колпака; ее оружие не имело ничего благородного, но по крайней мере ничего смертоносного: это была трость. Но мы маршировали под звуки одной песни, слишком способной возбудить ужас: это было «Пробуждение народа»... Толпа почти уже не увеличивала ряды тех, которых мы называли террористами, но не следовало дать ей время придти поддержать их своей армией пик. Как только вечером образовывалась группа, слышно было, как ревели «Пробуждение народа»...; потом следовала атака палочными ударами, которые почти всегда оканчивались скорым рассеянием наших врагов. Вышло так, что в течение двух - или трехмесячной кампании мы не оставили Национальному Конвенту никакой свиты, кроме нашей; мы сделали в свою очередь народом трибун, т.е. тем, что называли суверенным народом; публичным диктатором во всех театрах, оракулами всех кафе, ораторами всех секций и странными магистратами общественного мнения; мы без стеснения давали самим себе этот столь пышный титул; наконец, мы выгнали из того клуба, который вызывал лихорадочную дрожь у всех королей, якобинцев, и притом не без некоторых насилий и оскорблений, и мы же вынесли бога Марата из Пантеона, чтобы бросить его в сточную канаву».⁴⁰

Республиканские обычаи стали выходить из моды. Поднимались споры о новом календаре; стало исчезать обращение на «ты»...⁴¹ « Ты исчезло из разговора, - пишет Vedette ou Gazette du jour от 31/XII-1794, - и можно заметить, что оно не так часто встречается даже в эпистолярном стиле».⁴²

Можно еще добавить, что слова: «гражданин» и «гражданка» стали заменятся в обращении словами: «господин» и «госпожа».⁴³ Бывали также случаи, когда дамы в общественных местах и артисты в театрах демонстративно отказывались носить кокарды.⁴⁴

Нападки роялистического писателя Рише де Серизи на просветительскую философию XVIII в. встречали благосклонный прием: «Ведь также и философия вышла из моды, и сам Вольтер был бы дурно принят из-за своих философских взглядов у своих прежних парижских учеников, если бы не восстановил уважения к себе, благодаря многочисленным острым словечкам (bon-mots), которые во Франции никогда не могут выйти из моды».⁴⁵

Большинство газет и писателей от умеренно-демократических (Мерсье, Реаль и др.) до антидемократических, антиякобинских (Фрерон, Лакретель-младший, Лагарп) и открыто роялистических (Рише де Серизи) защищали свободу прессы, которая фактически установилась.⁴⁶ «Стремилась прежде всего, читаем мы в одном письме от 10/IV-1795 г., безраздельно овладеть общественным мнением, снова дать ему надлежащее направление путем введения неограниченной свободы прессы, и все более подорвать значение якобинцев».⁴⁷ Руководство общественным мнением исходило, по мнению одного из корреспондентов, от самого Конвента, который со времени 9-го термидора стремился «освободиться от всех чуждых влияний», «от господства парижских предместий», «всегда поддерживаемый общественным мнением, в то время, как кажется, что он следует за ним».⁴⁸

Масса становилась все более индифферентной в политическом отношении: «Вредное влияние трибун исчезло, и большинство граждан, которых стремятся лишь вовлечь в движение, решительно желает покоя и порядка».⁴⁹ Полицейские донесения также подтверждают, что среди рабочих царили апатия и покорность. Заседания секций стали малочисленными.⁵⁰ «Между народом утра (le peuple du matin) и народом вечера (le peuple du soir) одна и та же политическая индифферентность», - отмечает «Французский курьер» (Courrier fran?ais) от 21 августа 1795 г.⁵¹

О равнодушии народа к политике говорит и Ф.Буонаротти: «что же касается народа, обманувшегося в своих надеждах и введенного в заблуждение клеветой и глухими происками роялистов и иностранцев, то он покинул демократов и прозябал в глубоком безразличии, а часть народа даже обвиняла революцию в бесчисленных бедствиях, тяготевших над ним».⁵²

III

К весне 1795 г. положение Конвента стало особенно тяжелым, благодаря чрезвычайной нужде, царившей в Париже. Суровая зима 1795 г. была для парижан ужаснее предшествующей: они нестерпимо страдали от холода и голода. Все разговоры и помыслы их сосредоточивались на добывании съестных припасов и топлива.

Полицейские донесения отмечают это изо дня в день. После отмены 24-го декабря 1794 г. закона о maximum'e съестные припасы появились на рынке, но по своей дороговизне, при стремительном падении ценности ассигнаций, были недоступны для большинства. Конвент, отказавшись от насильственных мер, был бессилен помочь злу. Надежды, возлагавшиеся на него в этом отношении массами предместий, не оправдались. Начался ропот против Конвента.⁵³

26-го декабря 1794 г., через 2 дня после отмены закона о maximum'e, полиция доносит о задержании памфлета, который должен был выйти под заглавием: «Мы умрем от голода, мы умрем от холода» (nous mourrons de faim, nous mourrons de froid).⁵⁴ В донесении полиции от 1-го января 1795 г. говорится, что жалобы на чрезвычайную дороговизну съестных продуктов достигли до крайних пределов и могут вызвать волнения.⁵⁵ 3-го января 1795 г. «Сен-Реми сообщает, что он встретил в Сент-Антуанском предместье нескольких женщин, которые плакали, говоря о своей нужде. Везде он замечает чувство глубокого уныния; если настоящее ужасно, то еще более страшатся будущего».⁵⁶ На следующий день снова доносят, что «чрезвычайная дороговизна съестных припасов и недостаток топлива являются предметом почти всех разговоров».⁵⁷

Ропот на дороговизну усиливается особенно с марта. Нет почти дня, чтобы донесения полиции не отмечали его, как нечто обычное. Женщины, доведенные до отчаяния, были в особенности возбуждены.⁵⁸ 21-го марта секции Сент-Антуанского предместья требуют от Конвента введения конституции 1793 г. и мер против голода.⁵⁹ Началась и агитация против Конвента. «Группы перед булочными, - говорится в письме от 10-го апреля 1795 г., давали подстрекателям возможность действовать на всю массу народа, без препятствия со стороны полиции. Их жалобы находили отклик даже у многих, которые до тех пор не имели ничего общего с якобинцами, но теперь, когда они должны были тратить целые часы, чтобы за большое количество денег купить себе ежедневный хлеб, они заразились неблагоприятным предубеждением по отношению к правительству».⁶⁰

О выступлении 12-го жерминаля (1/IV-1795 г.), бывшем только прелюдией к восстанию в начале прериаля, мы не находим в письмах особо интересных подробностей. Толпа из предместий, среди которой было очень много женщин, вторглась в Конвент с криками «хлеба!». Партия Горы в Конвенте надеялась, по мнению корреспондента, повторить выступление 31-го мая 1793 г., направленное против жирондистов, но скоро Конвент был очищен от толпы национальной гвардией при помощи некоторых зрителей в толпе.⁶¹ Победа Конвента была достигнута почти без борьбы. Автор письма о 12-м жерминаля полагает, что Конвент допустил выступление, чтобы отделаться от остатков якобинцев в собственной среде.⁶²

Большой интерес представляют суждения автора письма об ослеплении роялистов, надеявшихся использовать в своих интересах это движение, вызванное словом.

«Ослепленные роялисты, под которыми я разумею приверженцев старого порядка вещей, партию первых эмигрантов, проявили себя здесь деятельными, как они делали с начала революции при каждом народном восстании, и, быть может, никогда с большей надеждой на успех, как в этот раз». Раньше они стремились вызвать ненависть к крайностям революции, «но им еще не удавалось возбудить у простого народа желание, которое согласовалось бы с их намерениями. Теперь настроение казалось более благоприятным. В некоторых группах можно было слышать мнения, которые совсем не обнаруживали приверженности к республике. Объединяющим пунктом или лозунгом не были более та или иная партия, а только ненависть и проклятия против Конвента. Если бы его уничтожить, то можно было бы надеяться, что голодная толпа охотно будет повторять: «да здравствует король! он накормит свой народ» (vive le Roi! il pourrira son peuple).

Как будто судьба этой партии - до конца ослепляться относительно истинного положения вещей во Франции, всегда надеяться там, где они должны отчаиваться, и всякий раз поражаться вполне естественным результатом ее безрассудных и постоянно возобновляемых попыток. Как могла она разумным образом рассчитывать на то, чтобы при настоящих обстоятельствах какая-либо значительная масса народа объявила себя за короля?». Голодную толпу, проклиная Конвент, не успокоишь именем короля; скорее она бросится грабить богатых. Для более состоятельных классов народа объединяющим центром может быть только Конвент, единственный существующий высший авторитет во Франции. Никто не знает, слыша крик: «да здравствует король!», идет ли речь о конституционном, более или менее ограниченном монархе, или нужно искать регента во Франции или вне ее, кто его назначит, как будет составлен Совет и т.д. «Вся Франция могла бы утонуть в крови и быть опустошенной от одного конца до другого многолетней гражданской войной, прежде чем вожди роялистов сговорились бы между собой относительно этих вопросов».⁶³

Нужда не прекращалась и вызвала последнее народное восстание в Париже во время Французской Революции в первых числах прериаля III г. (20-24 мая 1795 г.). Что голод был причиной прериальского восстания, руководимого монтаньярами, это признается как полицейскими донесениями, газетами и современниками, не исключая и роялистов,⁶⁴ так и историками.⁶⁵ «Большинство (восставших) состояло очевидно из страдающих от голода, доведенных до ярости, благодаря все увеличивающейся нужде в хлебе и подстрекательствам второй партии (якобинцев)», - пишет один из корреспондентов, очевидец восстания. Последнее не было неожиданным и подготавливалось на глазах: «Что большое восстание будет, было, конечно, задолго наперед известно».⁶⁶ Об этом неоднократно доносили агенты полиции и писали газеты.⁶⁷

Движение началось уже накануне 1-го прериаля. Вот как описывает корреспондент канун и утро этого народного восстания: «Сильное движение на улицах и площадях вечером 30 флореаля (19-го мая) уже ясно указывало на важные события следующего дня. Последний день декады был установлен, как день подачи петиций, и был избран для восстания против Конвента. Сильный дождь с грозой и молнией удерживал однако утром большинство по домам, но после полудня, когда он стих, толпа высыпала на улицы. Бесчисленные группы громко кричащих женщин совещались, как напасть на Конвент и добиться доставки хлеба, На улицах громко выкрикивали, что в шестви к Конвенту все женщины толпою пойдут впереди вооруженных мужчин и расчищают последним дорогу, потому что, конечно, ни один французский солдат или гражданин не станет стрелять в женщин.

Крики о голоде, жалобы и проклятия барышням, торговцам и менялам, которые по-прежнему на улицах, на глазах голодной толпы, окруженные мешочками золота и серебра, занимались позорной спекуляцией, были раздражающими. Обезображенные голодом и бешенством, бледные, как трупы, женщины поднимали вверх своих плачущих детей и показывали их еще спокойно настроенным окружающим и прохожим, чтобы воспламенить у них подобную же ярость.

Одна женщина, которая дрожала и кипела от ярости, держа одного ребенка на руках, а другого высоко за левую руку, крикнула мне прямо в лицо: «Эти дети, их отец и дед уже 3 дня не имели ни куска хлеба; на что мне рис? Я целый день бегала и нигде не нашла угля или дров, чтобы его сварить!» Младший ребенок, действительно, жевал в одной пригоршне невареный рис; другой кричал из-за своей руки, которую мать в бешенстве сжимала и трясла... Один из агитаторов кричал при бурном одобрении толпы, что кто завтра утром не будет носить на шляпе надписи: «хлеба и демократической конституции 1793 г.» (du pain et la constitution démocratique de 1793), тот будет считаться врагом народа и одним из тех, которые морят его голодом».

Шум на улицах продолжался всю ночь. С утра был слышен набат в предместьях Ангуанском и Марсе. В 8 часов забили сбор во всех секциях. Все устремились к оружию.⁶⁸

Самое заседание Конвента 1-го прериаля, на котором корреспонденту удалось поспеть, - большое и трудное; при помощи хитрости и обмана, он не описывает, отсылая на обстоятельному отчету Монтеуа⁶⁹ и останавливаясь главным образом на убийстве депутата Феро.⁷⁰

По мнению корреспондента, у восстания не было ни плана, ни определенной цели. Подавлено было оно благодаря линейным войскам, принудившим предместья сдаться угрозой бомбардировки. Во время борьбы бульвары были полны хорошо одетыми мужчинами и дамами, которые справлялись у прохожих о новостях, как мы расспрашиваем путешественника о Турции и Китае.⁷¹ Корреспондент считает «вероятным мнение тех сведущих людей, которые полагают, что руководящие члены Конвента, если и не способствовали восстанию, то, по крайней мере, допустили его развиться до известного предела с тем, чтобы остающиеся еще в Конвенте террористы могли проявить себя во всем свете и Конвент получил нужный предлог совершенно освободиться от них; также, чтобы воспользоваться случаем отнять у секций их пушки и лишить их этим силы».⁷²

IV

Письма немцев из Парижа после прериальского восстания и кончая восстанием 13-го вандемьера наполнены преимущественно рассуждениями об интригах «хорошего общества» против Конвента и о снисходительном отношении его к роялизму. В № 5 журнала помещено специальное письмо об общественном мнении в Париже, где корреспондент (L.) делает возражения и вносит поправки к рассказу одного путешественника во Францию, имевшего возможность в течение нескольких недель только видеть и слышать, но не спрашивать и наблюдать, а потому пришедшему к ошибочным выводам. По мнению корреспондента, о проявлениях общественного мнения нужно судить конкретно, принимая во внимание время и обстоятельства: как якобинец первого года свободы (1789 г.) не похож на якобинца третьего года республики (1795), так и роялист после 9-го термидора (27/VII - 1794) - на роялиста до 14 июля (1789). Путешественник утверждает, что «везде с величайшим уважением говорят о Конституции 1791 г.»

«Да, - замечает корреспондент, - потому что чувствуют отвращение к конституции 1793 г., как и к ее создателям; потому что не знают еще никакой другой и, однако, все чувствуют настоятельную необходимость иметь таковую». «Республиканец едва осмеливается, по словам путешественника, обнаружить в светском обществе свои убеждения, в то время, как, наоборот, открытые приверженцы старого режима, с их колкими сарказмами против свободы и равенства, находят благосклонный прием, если не явное одобрение.

Открытых приверженцев старого режима здесь в последнее время я не встречал; но людей, которые не могут без гнева и ужаса, думать о последних годах революции, можно найти везде. Отвращение к одной крайности делает снисходительными к другой. Тонкие определения и нюансы понятий бесполезны для большой толпы. Каждый оратор стремится во всем, что он говорит, избежать показаться террористом, и это отрицательное качество является непременным условием (*conditio sine qua non*) одобрения слушателей... Однако все, кто имеет горячее сердце и мужественную душу, расположены к республике, и против них коалиция болтунов и остряков всегда останется совершенно бессильной.

Журналисты, очевидный интерес которых заключается в том, чтобы писать, сообразуясь с общественным мнением, все проповедуют роялизм». Автор письма, оспаривая это утверждение и не находя среди журналистов роялистов, ссылается на статью одного монархически-настроенного писателя Husson'a, который говорит, что при господствующих страстях и предрассудках монархия невозможна». ⁷³

Не считает он роялистом и Фрерона, прошлое которого не обещает ему чего-либо хорошего при монархии: «Тальен, Фрерон и прочие из их партии могут быть интриганам и в высшей степени ненадежными людьми, но они, по моему убеждению, не могут хотеть короля. Их безопасность и их авторитет явно зависят от продолжения республики, и если бы они имели достаточно силы, чтобы дать Франции короля, они имели бы также достаточно силы создать себе больше преимуществ, чем им мог бы предложить какой-либо король». ⁷⁴

Общий результат наблюдений путешественника, что «предстоит вскоре падение республики», корреспондент считает ошибочным. ⁷⁵

Позднее, в сентябре, когда уже началась со стороны «хорошего общества» агитация против декретов о переизбрании в будущий Законодательный корпус 2/3 Конвента, тот же корреспондент пишет: «Здесь несколько дней тому назад опасались чего-то очень удивительного: восстания роялистов во имя суверенитета народа. Я не разделяю, правда, ни опасений слабых, ни надежд слепых... Но у меня были, однако, опасения на счет последствий настоящего брожения».

Конвент как раз отдался в руки хорошего общества и рассчитывал на его благодарность; но он не подумал о том, что большая часть его членов не принадлежит к хорошему обществу.

В этом хорошем обществе французское легкомыслие находит свое настоящее место. В начале 1789 г., когда монархия находилась еще в полной силе, среди него было хорошим тоном проповедовать республиканизм, равно как теперь, когда основана республика, хорошим тоном является проявлять некоторую слабость к роялизму. Между тем оно также мало серьезно думает о монархии, как тогда о республике, и, содействуя, всеми силами контрреволюции и гражданской войне, оно собственно не хочет ни контрреволюции, ни гражданской войны.

Оно не любит террористов, и его нельзя обвинить в этом, так как эти господа «слишком плохо обошлись с ним». Оно плохо разбирается в различиях между языком республиканцев и жаргоном санкюлотов и благосклонно выслушивает насмешки над республикой бывших дворян и неприсяжных священников, возвратившихся «при господстве милосердия».

«Оно покровительствует всем без различия писателям, принадлежащим к оппозиции». «Вечерний Вестник» (Messenger du Soir), орган парижской молодежи, помещающий злые эпиграммы на республиканцев, «лежит на туалетном столе всех знатных дам»... ⁷⁶ «Даже и «Общественный обвинитель» (Accusateur Public), предполагаемым составителем которого является недалекий Рише Серизи (Richer-Serisy), пользуется у него (хорошего общества) благоволением. Ради доброго намерения прощают ему фанатический стиль и слепоту, с которой он в своей антитеррористической ярости нападает на всех, кто способствовал революции, начиная с ее первых виновников. Охотно даже видят, что он не щадит философов». ⁷⁷

«Эти люди, продолжает корреспондент, если бы дело действительно дошло до борьбы, были бы сами по себе неопасны». Но скверно то, что они способны своими мнениями, производящими шум, ввести в заблуждение общественное мнение.

Опорой республики корреспондент считает ремесленников, крестьян и особенно армию: «Средний класс, ремесленники и крестьяне, конечно ничего не понимает в этом светском тоне, он искренно ненавидит старый порядок вещей, послушен Конвенту, потому что он являлся единственным признанным авторитетом, но не любит его, так как он связал свое имя со всеми мерами угнетения, которые в течение двух лет причинили так много зла Франции».

Чернь в городах постоянно принадлежит тому, кто захочет воспользоваться ею против состоятельных граждан, и таким образом элементы террора всегда к услугам правительства. Но последнее из опыта знает, как опасно пользоваться толпой, и большинство Конвента навлекло на себя в прерииале такой сильный гнев с ее стороны, что должно опасаться стать в конце концов самому ее жертвой.

Самыми верными и надежными друзьями Конвента являются бесспорно армии, которые одержали победы под его руководством, которые знают, что он состоит из ревностных республиканцев, и которые могут ожидать награды за свои дела только от республики». ⁷⁸

Другой корреспондент еще после 12-го жерминаля писал о том же: «Наконец, чтобы почувствовать всю невероятность такого предположения (восстановления монархии), нужно знать дух французского юношества, особенно в армиях, у которого любовь к республике является не только мимолетным энтузиазмом, но глубоким чувством, как бы отождествленным со всеми его страстями, и которое видит в этой республике и только в ней награду за все свои жертвы и последнюю цель его столь славных побед. Нет, нет! Время может много изменить, обстоятельства могут подготовить и с годами мирно ввести то, что нам теперь кажется невозможным, но если мне когда-либо что было вполне очевидно, то это положение: Франция не может путем неожиданной революции получить опять короля». ⁷⁹ Социальные слои населения, склонные к роялизму, так изображает корреспондент, описывающий прерииальское восстание (Т.): «Роялисты, хотя, к сожалению, еще довольно многочисленные в Париже, и на этот раз, как с начала революции, проявили свою храбрость в ругани и улепетывании. В Париже они состоят из финансистов, купцов и мелких лавочников, которые все предпочитают тайно барышничать, чем вступать в открытую борьбу; из ученых и артистов, которые предпочитают теперь в «хороших домах» Парижа «заниматься старческой болтовней при закрытых дверях об исчезнувшем великолепии двора, чем открыто выступать и действовать в пользу своего в тиши почитаемого маленького короля. Так в большой суматохе лишь немногие голоса решились требовать конституции 1791 г., и, таким образом, лишь косвенно почтить своего кумира». ⁸⁰

Роялистически настроенные журналисты, находившиеся тогда во Франции, не считали момента благоприятным для восстановления монархии. Лакретель признавал, что партия роялистов вызывала отвращение у большинства, но отмечал вместе с тем, что в Париже «состоятельные классы наследовали власть толпы, у которой они научились господствовать или обуздывать, и назвали себя в свою очередь народом».⁸¹ Воблан считал предложение о восстановлении монархии во Франции при тогдашних обстоятельствах «поступком безумца».⁸²

Эмигрант Малле дю Пан, бывший в 1790-92 г. редактором аристократически-конституционного журнала «Французский Меркур» (Mercure Fran?ais)⁸³, полагал в начале 1795 г., что 1/3 Франции настроена монархически, но позднее в своих письмах к Венскому двору в 1795 г. он неоднократно указывал на отвращение большинства французов к партии эмигрантов и к старому режиму; низшие же классы народа Париже он считал настроенными решительно антироялистически.⁸⁴ И только слепые и обозленные эмигранты, сторонники старого порядка и принцев, старались оспаривать мнение, что Франция ненавидит роялистов и эмигрантов.⁸⁵

V

Реакция после прериальского восстания захватила и большинство парижских секций, где уже после 9-го термидора стали преобладать «зажиточные и умеренные элементы». Секции теперь арестовывают и расправляются с теми, кого тогда называли «кровопийцами, анархистами и террористами».⁸⁶ Декреты Конвента 5 и 13-го фрюктидора III-го, (22 и 30-го августа 1795 г.) о переизбрании 2/3 его членов в будущий Законодательный Корпус вызвали сильную агитацию против них со стороны секций. В то время как конституция III-го года (1795 г.) была принята 57390 голосами против 49978, декреты только 205498 голосами против 108784, причем они были отвергнуты в Париже всеми секциями, за исключением одной в Сент-Антуанском предместье (Quinz-Vingts).⁸⁷ Борьба секций против названных декретов Конвента привела их к восстанию 13 вандемьера IV г. (5-го октября 1795 г.), которое было подавлено будущим диктатором Франции - Наполеоном Бонапартом. 25-30-тысячная армия секций, но без артиллерии, не устояла против 5 тысяч линейных войск и ряда «патриотов 1789 г.», рассеявших восставших, главным образом, при помощи пушек.

Большинство историков, как-то: Тьер⁸⁸, Минье⁸⁹, Буше и Ру⁹⁰, Луи Блан⁹¹, Мишле⁹², Кинэ⁹³, Олар⁹⁴, Дэвилль⁹⁵ и Зиви⁹⁶, написавшие специальное исследование о 13 вандемьера, - все приписывают роялистам значительную роль в этом восстании; Н.Кареев, предприняв попытку пересмотра этого вопроса на основании исследования сохранившихся протоколов секций (7 и 48), старается «умалить», по собственному его выражению, роялистический характер движения и доказать, что «большинство участников движения, приведшего к восстанию 13 вандемьера, вовсе не было настроено роялистически», и «что специально роялистического характера 13 вандемьера не имело»⁹⁷. В то же время он, вместе с Тьером, Дэвиллем, Барантом⁹⁸, Сорелем⁹⁹, Тэном и Ссиу¹⁰⁰, признает, что в вандемьерском движении «главную роль играла буржуазия», что в нем «участие принимали, главным образом, центральные секции, где сильны были в населении именно буржуазные элементы»¹⁰¹, и «что события входят в число явлений реакции»¹⁰²; и не отрицает также, что «роялисты приняли участие в восстании»¹⁰³ и «думали им воспользоваться»¹⁰⁴, что они «ловили рыбу в мутной воде».¹⁰⁵ Относительно приведенного мнения Н.Кареева о 13 вандемьера нужно предварительно отметить, что оно основано на немногих протоколах самих секций и что для определения характера движения важны не столько субъективные заявления самих участников движения, сколько объективное значение восстания, которое другие источники изображают как антидемократическое и контрреволюционное, расчищающее дорогу роялистам. Что же касается роялизма, то Н.Кареев понимает его, по-видимому, в данном случае в узком смысле реставрации Бурбонов и прежних сословных привилегий¹⁰⁶, чего парижская буржуазия, действительно, тогда не желала.

Немецкие корреспонденты считают движение секций «аристократическим», направленным против республики, а 13 вандемьера называют «ударом для хорошего общества и роялизма», «восстанием роялистов во имя суверенитета народа» и «борьбою слишком рано возмущившегося роялизма».¹⁰⁷

В письме одного корреспондента, покинувшего Париж 6-го сентября 1795 г., при открытии первичных собраний, через неделю после издания декрета от 13-го фрюктидора и за месяц до вандемьерского восстания, так описывается начало движения: «Мы покинули Париж 20-го фрюктидора, вечером в 7 часов, покинули его среди приготовлений роялизма, дерзко поднимающего теперь голову, которую он раньше с беспримерной трусостью склонял по иго демагогов».

На первичных собраниях мстительность, честолюбие и роялизм взаимно помогают друг другу. «настоящие республиканцы стоят уже давно одни, непризнанные и оклеветанные, в то время как большая часть народа под давлением умножившихся страданий воздерживается от живого участия, которое она прежде принимала в общественных делах отечества, и с необузданностью, с какой раньше придерживалась якобинства, отдается страсти ажиотажа...»

В поход против республики собралась армия аристократии: «Вся банда агентов и шпионов враждебной заграницы, священников и возвратившихся эмигрантов, толпа бывших дворян (ci devants), все спекулянты, справляющиеся в Пале-Рояле о меняющемся курсе, чтобы определить на сегодня цену своих подозрительных товаров; большинство банкиров, которые большей частью стоят во главе ажиотажа; толпа лавочников, конторских служащих, портных, парикмахеров, которые... неожиданно превратились в гренадеров и стрелков; наконец, шайка продажного сброда, которого не видно было во время самого неистового якобинства».

Исход столкновения остается «сомнительным». Опасным является равнодушие народа, мужество которого ослаблено продолжающимся падением ассигнаций. «Аристократия, уверенная в победе, сбрасывает маску», а секции лишились множества почтенных граждан, занятых заботой о семье и добывании хлеба.

«Декрет 5-го фрюктидора дает повод к первой борьбе; роялисты не могут его принять, потому что отвержение декрета открывает для них множество вакантных мест и только состав новой легислатуры из их приверженцев может дать им в руки тот пункт, откуда они без шума и незаметно могут похоронить новую конституцию и нанести ей непоправимый смертельный удар.»¹⁰⁸

Другой корреспондент (L.) в письме от 11-го сентября 1795 г. так характеризует агитацию против декретов Конвента о переизбрании двух третей его членов: «Декрет о двух третях должен был не понравиться хорошему обществу. Честолюбцы, имеющие тем менее вероятия попасть в правительство, чем более останется там старых членов, и роялисты стоят во главе его. Средний класс в крупных общинах одобряет их, и так как ревностные республиканцы из низших классов изгнаны из секций, как террористы, то не следует удивляться, что декрет так единогласно был отвергнут в Париже, что, вероятно, произойдет также в большинстве других больших городов Франции.

В небольших общинах, где нет хорошего общества, где нет массы интриганов, которые становятся во главе оппозиции, там все, за малыми исключениями, голосуют за Конвент, и большинство департаментов, вероятно, одобрит декрет.

Можно опасаться, что 1/3 представителей будет состоять из врагов Конвента,¹⁰⁹ и роялисты надеются перетянуть это меньшинство на свою сторону и совершить переворот в свою пользу. Но в этом они, вероятно, ошибутся; вне собрания они не могут рассчитывать на большую помощь. Во Франции есть, быть может, много таких, которые считают желательным для спокойствия Франции наследственного президента Совета, но у них нет энтузиазма к монархии и в решительный момент они не будут сражаться с республиканцами.

Таков мой взгляд на вещи. И на этой энергии республиканцев и на всеобщей ненависти к первой эмиграции покоится моя вера в дальнейшее существование республики».¹¹⁰

Тот же корреспондент в письме от 9-го октября, когда восстание было уже подавлено, полагает, что эmissары эмигрантов постарались увлечь «хорошее общество» на ложный путь и вовлечь его в настоящий бунт. Раздача оружия демократам, сочтенная за вооружение террористов, окончательно воспламенила головы и толкнула «на безрассудное нападение, легко предвидимые следствия которого в несколько часов положили конец долго лелеемым надеждам роялистов».

«Хорошо вооруженная гвардия секций могла иметь около 30 тысяч человек; но большинство молодых людей, из которых она состояла, не знало, что они собственно должны были делать, и являлись лишь попутчиками (mitgegangen). Нет, следовательно, ничего удивительного, что они образумились, коль скоро дело стало серьезным, и не боролись с неизменным мужеством республиканцев, одушевленных величайшим энтузиазмом. Только ложный стыд мешал им положить оружие при первом выстреле и предоставить кучке заговорщиков сражаться за свое собственное дело.»¹¹¹

Если бы 5-го победили секции, то никто не знает, что 6-го стало бы с республикой. Новые партии среди победителей и бесконечная гражданская война в Париже и в департаментах были неизбежны. Собрание избирателей, которое всем руководило, само состояло из самых разнородных элементов, из чистых, менее чистых и конституционных роялистов, из фанатиков, честолюбивых и недовольных республиканцев, и, наконец, из людей, которых толкнул к отчаянному шагу чрезмерный страх при не совсем чистой совести.

Париж представлял в этот ужасный день удивительный контраст. В самых отдаленных частях города никто не подозревал о гражданской войне, каждый спокойно шел по своему делу, а к вечеру кабаки были полны людьми, занимавшимися танцами, питьем и своими обычными удовольствиями. Наоборот, внутри, возле Тюльери, Пале-Рояля и окружающих секций, все представляло боевой вид: лавки, рестораны и театры были закрыты, все проходы улиц, все мосты были заняты пушками и на всех больших площадях были поставлены грозные батареи. В этом тесном пространстве вступили в ожесточенную борьбу друг с другом две значительные армии; стреляли из ружей и пушек, сражались саблями и штыками и конница дико врубалась в ряды той и другой стороны...

Триумф войск является собственно триумфом средних классов народа, к которым они большею частью принадлежат и которые также везде проявляют живейшую радость относительно счастливого исхода этого события. Они и крестьяне являются собственно подлинным зерном патриотов».

Автор оканчивает письмо замечанием, что республика избегла «последнего подводного камня» - террора реакции, «единственного вредного следствия, которого нужно опасаться для свободы в этом случае».¹¹²

То же отмечает и третий корреспондент в письме от 7 ноября 1795 г.: «Первые выстрелы раздались со стороны секций; партия роялистов решила довести дело до пролития крови; но именно благодаря такому способу нападения она должна была восстановить против себя войска. Результат показал, что для меня давно было ясно, что опасность возвращения к террору была призрачной». Корреспондент надеется, что республика удержится.¹¹³

Таким образом, разбираемый источник, отмечая буржуазно-классовый характер движения и считая его направленным против республики, подтверждает мнение большинства историков, особенно демократических и социалистических, и говорит против стремления Н.Кареева «умалить» роялистический характер восстания 13-го вандемьера и выставить движение секций, как борьбу «за основные принципы Французской Революции», борьбу, «шедшую под знаменем свободы».¹¹⁴ Но монархист Воблан, председатель секции Poissoni?re в разгар движения против Конвента и позднейший министр Людовика XVIII, также пишет в своих мемуарах, что «этот день, известный под именем 12-го вандемьера, был роковым для свободы».¹¹⁵ Фиксируя свое внимание больше на формальной стороне дела, Н.Кареев без оговорок принимает демократическую аргументацию секций, бывших, по его же словам, «непоследовательными» и выгонявших демократов из своих собраний.¹¹⁶ Как раз более демократические секции, разгромленные Конвентом после прериальского восстания, оказались, однако, теперь на его стороне, а одна из них (Quinze-Vingt) даже активно поддерживала его.¹¹⁷ Для них дело шло не о формальном, праве и не о Конвенте, как

таковом, а о республике, которой грозила роялистическая опасность. Н.Кареев не полагается на субъективные суждения современников и мемуары и сомневается в правильности официальной версии, представляющей дело, как заговор, руководимый роялистами, эмигрантами и шуанами.¹¹⁸ Нельзя, однако, в данном случае говорить о «роялистическом заговоре», как о «задумке» Конвента, когда не только искренние республиканцы опасались роялистического переворота, но возможности его не отрицали и роялисты.

Один из официальных докладчиков в Конвенте о восстании Мерлен де Дуэ называет день 13 вандемьера «победой республики над роялизмом и анархией»¹¹⁹ и говорит о «контрреволюционерах секции Лепеллетье, стоявшей во главе движения».¹²⁰ Баррас, главнокомандующий армией Конвента, изображает в себе «стечем» восстание роялистическим,¹²¹ а в своих мемуарах пишет, что секция Лепеллетье «была населена наиболее богатым классом Парижа»¹²² и что большинство убитых и раненых из восставших оказались вандейцами и эмигрантами, одетыми в черные и зеленые воротнички и с прическами ? la victime.¹²³

Роялистическим считали восстание и активные республиканцы из членов Конвента. Ларевельер-Лепо, член Директории и умеренный республиканец, рассматривает в своих мемуарах движение против Конвента как роялистическое.¹²⁴ По словам Тибодо, противниками декретов были «роялисты и некоторые честолюбцы из всех партий»,¹²⁵ а «сила секций, числом приблизительно в 20 тысяч, состояла из отрядов гренадеров и стрелков национальной гвардии, которые образовались из собственников, купцов, одним словом, из людей, бывших в состоянии одеться и экипироваться».¹²⁶ Карно оценивал движение против декретов, как роялистическое и контрреволюционное.¹²⁷ Мерсье считает восстание 13 вандемьера делом роялистов, отмечая также участие в движении и честолюбцев.¹²⁸

Некоторые современники прямо утверждают, что восстанием руководили роялисты¹²⁹ и что даже организовано оно было агентами роялизма.¹³⁰ Более точное определение роли роялистов в восстании 13-го вандемьера мы находим в мемуарах де Невилля: «Не роялизм создал 13 вандемьера, но он ему содействовал и, вероятно, воспользовался бы успехом, если бы его имела инсurreкция».¹³¹

Роялистический писатель Лакретель-младший, участник событий и один из агитаторов секций, не отрицает в своих мемуарах роялистических замыслов некоторых руководителей движения, напр., Рише Серизи, причем самого себя он выставляет в то время сторонником конституционной монархии,¹³² а про секцию Лепеллетье говорит, что «это был денежный и, однако, храбрый квартал».¹³³ Задним числом он признает справедливость слов m-me де-Сталь, которая предупреждала его, что восстание не будет иметь успеха, что не только армия, но и предместья и якобинцы будут за Конвент, хотя недавно и пострадали от него; мало того, она боялась самой победы над Конвентом, могущей вызвать гражданскую войну и белый террор, так как умеренные могут оказаться бессильными противостоять роялистам, которые теперь в меньшинстве.¹³⁴

Тот же Лакретель в 1803 г. в своем «Историческом очерке Французской Революции» склонен был считать восстание 13-го вандемьера ошибкой. Он признавал при этом участие в движении роялистов и агентов заграницы или принцев; правда, «толчок происходил не от них; но они уже громко приписывали себе эту жалкую честь: их влияние не было еще господствующим, но могло сделаться таковым». Относительно же демократической аргументации, которой придает такое большое значение Н.Кареев, он говорит: «В прокламациях, враждебных Конвенту, употребляли со строгостью, а иной раз, быть может, и с насмешкой, самый демократический язык».¹³⁵ «Никогда суверенитет народа не защищался с таким жаром», - иронически замечает по этому поводу один из современников-республиканцев.¹³⁶

Наконец, эмигрант и конституционный монархист Малле дю Пан полагал тогда, что роялисты, «более пылкие, чем способные», и заграничные эмиссары преждевременно увлекли секции Лепеллетье и Французского Театра к нападению.¹³⁷ Он же в письмах до восстания не скрывал тех надежд, которые монархисты разных направлений возлагали на движение секций против Конвента и на будущий Законодательный корпус.¹³⁸

Мнение немецких корреспондентов относительно движения секций и вандемьерского восстания подтверждается и полицейскими донесениями, источником более объективным, чем письма современников и мемуары. Уже с 19-го фрюктидора III года (5 сентября 1795 г.) полицейские донесения начинают отмечать агитацию роялистов в связи с декретами о двух третях;¹³⁹ потом они приводят мнения, высказываемые рабочими и сторонниками Конвента о роялистическом характере движения против декретов и Конвента,¹⁴⁰ и, наконец, самое восстание 13-го вандемьера характеризуют, как роялистическое.¹⁴¹

Группы рабочих начали приписывать руководство движением секций с самого его начала роялистам, но на собраниях секций их было мало.¹⁴² Донесение от 10-го сентября 1795 г. отмечает, что «рабочие, соединившись в группы в разных кварталах, высказываются за Конвент и приписывают роялистам и вожакам секций все постановления против декретов 5-го и 13-го фрюктидора».¹⁴³ Накануне восстания полиция доносит, что в нескольких частях города рабочие, страдающие от голода, готовы поддержать Конвент «вопреки роялистам, которые командуют секциями».¹⁴⁴ Донесения от 17 и 19-го сентября приводят разговоры некоторых граждан в защиту декретов Конвента от 5-го и 13-го фрюктидора: проведение в жизнь декретов «является единственным средством спасти общественное дело и погубить всякую надежду на сторонников монархии»;¹⁴⁵ противники декретов «хотят полного обновления Законодательного Корпуса, чтобы ввести новый порядок вещей, свергнуть республику и пролить кровь тех, кто ее поддерживал».¹⁴⁶

Накануне восстания 13-го вандемьера донесение полиции так характеризует отношение парижан к конфликту между Конвентом и секциями: «Молодые люди и некоторые женщины аплодируют комиссии избирателей, рассудительные люди и хорошие граждане порицают это поведение и со скорбью видят, что большее число граждан еще обмануто негодьями и интриганами, которые ввели секции в заблуждение. Поведение Конвента одобряется, и если, к несчастью, дело дойдет до решительного столкновения, партия избирателей, даже поддержанная шуанами, журналистами, красивыми дамами..., не одержит верх. Таков результат мнений, собранных в различных группах... Группы у ворот Martin и Denis, составленные частью из ремесленников, все стоят на стороне Конвента, и их мнение было бы высказано более определенно, если бы дороговизна продуктов, дров, угля не озабочивала их».¹⁴⁷ Через день после восстания донесение полиции отмечает «ропот против людей, которые под маской патриотизма стремятся только к восстановлению королевской власти и ради осуществления своих замыслов ввели в заблуждение своих сограждан и повели их на бойню».¹⁴⁸ «Людям зрелым летами и опытом, - говорится в донесении от 10-го октября 1795 г., - рассудок показывает, что возвращение к монархии было бы могилой для Франции, или, по крайней мере, залило бы ее собственной кровью».¹⁴⁹

Н.Кареев, следуя за Оларом, доверяет объективности полицейских донесений, но в данном случае он как раз стремится уменьшить значение тех сообщений о роли роялизма в восстании 13-го вандемьера, которые там имеются.¹⁵⁰ Вполне можно, однако, согласиться с ним в том, что открытое выступление за монархию было невозможно и что в массе господствовало антироялистическое настроение.¹⁵¹

Письма из Парижа немцев-очевидцев в 1795 г., являясь по своему характеру одним из источников исторической традиции, т.е. имеющим все отрицательные черты субъективного освещения исторических фактов, стоят, однако, значительно выше мемуаров как потому, что написаны под непосредственным впечатлением событий, так и потому, что не исходят от деятелей, заинтересованных в своей апологии или реабилитации, а от зрителей со стороны. Конечно, эти зрители имеют свои взгляды, свои симпатии и антипатии и судят со своей субъективной точки зрения. Как сторонники умеренной республики, выражающей интересы средних слоев населения, они - противники якобинцев и последовательных демократов, но еще более им ненавистны плутократия, аристократия и роялизм. Тон их писем, их выпады против «террористов» и особенно против роялистов проникнуты страстностью, но выводы трезвы и реалистичны. У них нет той личной заинтересованности, которую мы находим в суждениях деятелей той эпохи. Они правильно поняли, что в 1795 г., особенно после прериальского восстания, опасность Конвенту и республике начала грозить со стороны «хорошего общества» и роялистов. Корреспонденты видят слабости Конвента и недостатки термидорианцев, разбираются в классовом составе партий, довольно проникательны относительно будущих попыток роялистов произвести государственный переворот и умеют подметить общественное настроение различных слоев населения.

Сообщения немецких корреспондентов об общественных настроениях в Париже в 1795 г. при начавшемся отливе революционных волн могут служить дополнительным источником к имеющимся относительно этого полицейским донесениям и в свою очередь подтверждают наблюдения агентов полиции. Источник их сведений один и тот же - это непосредственное наблюдение, восполняемое у них разговорами с политическими деятелями¹⁵² и чтением газет и публицистической литературы по злободневным вопросам.¹⁵³ В их описаниях нет, однако, той обстоятельности и точности, которую мы находим в полицейских донесениях; в мелочах они могут следовать иногда и непроверенным слухам, но они дают общую, довольно верную и живую картину общественного настроения в Париже во время термидорианской реакции. Письма немцев-очевидцев интересны и с точки зрения отношения западноевропейского общества к французской революции. Наконец, для нас они важны тем, что являются редким и неиспользованным историками источником.

1925 г.

Примечания

1 Frankreich im Jahre. 1795. Aus den Briefen Deutscher Mahner in Paris - Altona, 1795. I-III B, №№ 3-10.

2 G.Deville. Thermidor et Directoire. Histoire socialiste sous le dir. De J.Jaurès, t.V, pp.1-7; о 9-ом термидора см. A.Savine et Fr.Bournard, Le 9 Thermidor, Paris, 1907; Н.Кареев, Неизданные протоколы парижских секций 9-го термидора, П., 1914; он же, Роль парижских секций в перевороте 9-го термидора, П., 1914.

3 А.Олар. Политическая история французской революции, 2 изд. Стр.546-47. А.Сорель, Европа и французская революция, т.IV, П., 1892, стр.91-92.

4 См.тексты некоторых адресов - G.Veitch, The Genesis of Parliamentary Reform, London, 1913, pp.352-65. Ж.Жорес. История Великой Французской Революции, Т.III, Конвент, в. 1., М. 1923, стр.153-60.: Ср. в. II. Социально-политические идеи Европы и революция, М. 1923; G.Gouch. Europe and French Revolution, Cambridge, Modern History, v.VIII, 1904, pp.755, 760 и др.; К.Добролюбский, Английский радикализм и борьба за парламентскую реформу, Сб. «Посев», Одесса, 1921, стр.168-72.

5 В частности там помещены - переписка Камилля Демулена с генералом Артуром Диллоном (Miscellen zur Geschichte des Tages, hrsg.v. J.W.Archenholz, Hamburg, 1795,1 в., стр.77-141), речь Сен-Жюста в Конвенте 9-го термидора (ibid, S.290 -323; ср. Bouchez et Roux, Histoire parlementaire de la R?volution fran?aise, t.34, pp.6-20: в Moniteur`е его нет) «Бегство жирондистов» Луве (ibid, 11 в. S.1-384) и последняя речь Робеспьера в Конвенте 8-го термидора по манускрипту, найденному в его бумагах (ibid, 11 в.2 Th., S.1-102; ср. Bouchez et Roux, t.33. pp.406-449; в Moniteur`е также нет).

- 6 Ibid., II B., S.254-90.
- 7 Ibid., S.258.
- 8 Ibid., S.258-261 и др.
- 9 Ibid., II B., S.278-79.
- 10 Ibid., S.255.
- 11 Ibid., S.265.
- 12 Ibid., S.258.-287.
- 13 Ibid., S.289.
- 14 Frankreich im Jahre 1795, II B., № 5. S.38-62, ср. *Moniteur*, 1795, №№ 244-46 от 23-25/V или *Bouchez et Roux*, t.36, pp.314-66.
- 15 Ibid., II B. № 5. S.71-82; № 6, S.159-70; № 7, S.246-61.
- 16 Напр., статья *Trouv?* из *Moniteur'a* от 5/IX 1795 (№ 349)относительно провозглашения Людовика XVIII себя королем (Ibid., II B. № 7 S.262-65).
- 17 Напр., P.F.R?al, *Essai sur les journ?es des treize et quatorze Vendemiaire*; произведение названо «превосходным» (Ibid., III B. №10 S.179)
- 18 Напр., гимн 9-го термидора. М.-Ж.Шенье (Ibid., II B. № 6. S.191-92 и музыка) и гимн Высшему Существу De Th.Desorgues (Ibid., III B. № 10. S.191-92 и музыка). Ср. J.Tiersot, *Les f?tes et les chants de la Revolution fran?aise*, Paris. 1908, pp.114-50, 222, 286-305 и др.
- 19 Frankreich im Jahre 1795, I B., № 3. S.195-96. Помещаемые в журнале вещицы сопровождаются иногда небольшими примечаниями корреспондентов или издателя. Названная речь Робеспьера напечатана в II т. «*Miscellen zur Geschichte des Tages*», hrhg.v. J.W.Archenholz, Hamburg, 1795.
- 20 A.Aulard, *Paris pendant la r?action thermidorienne et sous le Directorie*, I-V, Paris, 1898-1902.
- 21 Ibid., t. I, Introduction, pp. I, VIII-IX; А. Олар, «Термидорианская реакция в Париже», *Очерки и лекции по истории Французской революции*. II. 1908, стр.321-23.
- 22 G.Deville, *Thermidor et le Directoire*, *Histoire socialiste*, v.V, p.32 и др.
- 23 Е.Тарле, *Рабочий класс во Франции в эпоху революции*, ч.II, II. 1911, стр.39, 164-67, 473, 477-82 и др.
- 26 Н.Кареев. Было ли парижское восстание 13 вандемьера IV года роялистическим? (Сборник статей в честь проф. В.П.Безескула, Харьков, 1914, стр. 238-41); он же, *Борьба парижских секций против декретов 5-го и 13-го фруктидора III г.* (Ж.М.Н.Пр., 1915 г. Март, стр.222-23).
- 25 Frankreich im Jahre 1795, II B., № 5. S.25.
- 26 Ibid., I B., № 4, S.331.
- 27 Ibid., II B., № 5, S.19.
- 28 Ibid., II B., № 5, S.21.
- 29 Ibid., II B., № 5, S.33.
- 30 Ibid., II B., № 5, S.93.
- 31 Ibid., II B., № 7, S.378.
- 32 Ibid., II B., № 7, S.268-71; № 8, S.258-59 и др.
- 33 Ibid., III B., № 9, S.7-19.
- 34 Ibid., III B., № 9, S.19.
- 35 Ibid, III B., № 9, S.87, 89-91; № 10. S.135, 146-47.
- 36 Ibid, II B., № 8, S.358-59.
- 37 Aulard, *Paris pendant la r?action thermidorienne*, v.I., pp.90, 92, 95, 106-7, 157, 168-69, 181, 183, 248 и др., 413-415, 421-22, 476, 542, 560, 587-88, 591-92, 593-95, 596,687,704 и др. *Bouchez et Roux*. *Historie parlementarie de la R?volution fran?aise*, t.36, pp.78-82, 213-217, 220-22.
- 38 Louis Blanc, *Historie de la R?volution fran?aise*, t.11. Paris, 1869. pp.271, 274-76; t.12., pp.43-44, 172-73; Barante, *Historie de la Convention Nationale*, v.V, P. 1853, pp.156-61, 229-33 и др. J.Claretie, *Les derniers montagnars*. P. 1867. pp.13-15, 65-69 ; P.Lacroix. *Directoire, Consulat et Empire. Memurs et usages*. 2 ?d, P. 1885. pp.48, 68, 78, А.Олар. *Термидорианская реакция в Париже. Очерки и лекции*. П. 1908. стр.347-51. Е.Тарле. *Рабочий класс во Франции в эпоху революции*, ч.II. П., 1911. стр.493-94.
- 38 P.Lacroix, *Directoire, Consulat et Empire. Moeurs et usages*, 2 ed, P. 1885, pp.48, 68-78; А.Олар, *Термидорианская реакция в Париже. Очерки и лекции*, П. 1908, стр.347-51; Е.Тарле, *Рабочий класс во Франции в эпоху революции*, ч.II, П. 1911, стр.493-94.
- 39 См. текст *Le Reveil du peuple*. Peltier, *Paris pendant l'annee 1795*, Londres 1795, pp.43-44; C.A.Dauban, *Parisien en 1794 et en 1795*. P. 1859, pp.559-60; Aulard, *Paris pendant la reaction thermidorienne*, t.I, pp.410-11, ср. *ibid*, pp.637; t.II, pp.32, 78, 80, 82-85, 87-90, 92-94, 105, 110, 115, 124, 130, 152, 197, 230, 238, 273-74, 279, 317; Barante, *Historie de la Convention Nationale*, v.V, p. 1853, pp.234-36; J.Tiersot, *Les fetes et le chants de la revolution francaise*, p.1908, pp.197-99; Fr.Pages, *Historie secrete de la Revolution francaise*, Paris, 1797, t.II, pp.255-56.
- 40 M.Ch.Lacretelle, *Dix annees d'epreuves pendant la Revolution*, Paris, 1842, pp.199-200, ср.203; S.Mercier, *Paris pendant la Revolution*, P. 1862, t.II, pp.50, 206; *Memoires de R.Levasseur*, Br.1832, t.IV, pp.53-56.
- 41 Frankreich im Jahre, 1795, II B., № 5, S.92, ср. № 7, S.207-13 (статья Лагарпа об обращении на «ты»).
- 42 Aulard, *Paris pendant la reaction thermidor*, t.I, pp.354-55; А.Олар, *Обращение на «ты» во время революции*, *Очерки и лекции по истории франц.революции*, П. 1908, стр.318-19.
- 43 Aulard, *Paris pendant la reaction thermidor.*, t.I, pp.371.
- 44 Ibid, t.I, pp.364, 366 и др. 312, 491.
- 45 Frankreich im Jahre, 1795, II B., № 7, S.270.

- 46 Frankreich im Jahre, 1795, II B., № 6, S.102, ср. I B., № 3, S.199; Bouchez et Roux, Histoire parlementaire, t.36, pp.46-47; Lacretelle, Dix années d'épreuves pendant la Revolution, Paris, 1842, pp.196.
- 47 Frankreich im Jahre, 1795, I B., № 3, S.259.
- 48 Ibid, I B., № 3, S.258, 260.
- 49 Ibid, I B., № 3, S.266, ср. III B., № 9, S.3-4, 5.
- 50 Aulard, Paris pendant la reaction thermidorienne, t.I, pp.313, 366; А.Олар, Термидорианская реакция, Очерки и лекции по истории франц.революции, стр.324-25; Е.Тарле, Рабочий класс во Франции в эпоху революции, ч.II, П. 1911, стр.492-93.
- 51 Aulard, Paris pendant la reaction thermidorienne, t.II, p.183.
- 52 Ф.Буонаротти, Гракх Бабеф и заговор равных, П.-М., 1923, стр.45.
- 53 Frankreich im Jahre, 1795, I B., № 3. S.261; Aulard, Paris pend. la r?action thermidorienne, t.I, pp.137, 148, 156, 212, 418, 482, 483, 490, 492, 495, 500, 505, 508, 514, 517 и др.
- А.Олар, Термидорианская реакция. Очерки и лекции, стр.326-34; ср. G.Deville, Thermidor et le Directoire, pp.76-84; Chl.Gomel, Histoire financi?re de la Legislative et de la Convention v.II, Paris 1908, pp.405-7 и др.; L.Blanc, Histoire de la R?volution fran?aise, t.XII, P. 1869, pp.206-21 ; J.Claretie, Les derniers montagnards. P. 1867, pp.11-13 ; Taine, La R?volution, v.II. 24 ?d. 1904, pp.301-312 ; Е.Тарле, Рабочий класс во Франции в эпоху революции, ч.II, П. 1911. стр.495-98.
- 54 Aulard, Paris pendant la r?action thermidorienne t.I, p.340.
- 55 Ibid, I, p.360.
- 56 Ibid, I, p.363.
- 57 Ibid, I, p.365.
- 58 Ibid, I, pp.531, 533, 543, 552, 556-57, 560, 572, 576, 600, 602, 605-6, 610, 615-16, 619, 622-23 и др.
- 59 Bouchez et Roux, Histoire parlementaire de la R?volution fran?aise, t.36, pp.238-240 и Moniteur от 24/III 1795.
- 60 Frankreich im Jahre 1795, I B., № 3. S.262
- 61 Роялист Лакретель сообщает, что батальон золотой молодежи помог Конвенту освободиться от толпы (Lacretelle, Dix ann?es d'épreuves perdant la R?volution, pp.216-17, ср. Souvenirs de Ponticoulant, P., 1861, t.I, p.350; M?moires de R.Levasseur, Br.1832 ; t.IV, p.249; о заседании Конвента 12-го жерминаля см. Moniteur от 3-5 апреля 1795 г., и Bouchez et Roux, t.36. pp.262-300).
- 62 Frankreich im Jahre, 1795, I B., № 3. S. 258, 263-65; ср. C. Deville. Thermidor et Directoire, pp. 87-88.
- 63 Frankreich im Jahre, 1795, I B., № 3, S.256-7; ср. Aulard, Paris pendant la reaction thermidorienne, t.1, pp.357-58, 370, 407, 557, 560, 626, 631; Correspondance inedite de Mallet du Pan, Paris, 1884, I, pp.157, 158-59, 171-72, 205-6, 221.
- 64 Aulard, Paris pendant la r?action thermidorienne, см. донесения между 12 жерминаля и 1 прериала III г. I, pp.647, 649, 650, 653-54, 656-57, 661, 666, 671, 672, 674, 679, 680, 681, 698, 703, 705, 723, 730 и др., memoires de Barras, P. 1895, I, p. 227; M. Peltier, Paris pendant l'annee 1795, Londres 1795, p. 233; ср. Ф.Буонаротти, Гракх Бабеф и заговор равных. П.-М., 1923, стр.33.
- 65 G.Deville, Thermidor et Dircoire, pp. 90-94; А.Олар, Термидорская реакция. Очерки и лекции, стр.328-30; L.Blanc, Histoire de la Revolution fran?aise, t.12, 1869, pp.222 и далее; J.Michlet, Histoire du XIX-e Si?cle, P. 1875, p.214; J.Claretie, Les derniers montagnards, P. 1867, pp.137 и др.
- 66 Frankreich im Jahre, 1795, II B., № 5. S.26.
- 67 Aulard, Paris pendant la r?action thermidorienne, t.I, особ. pp.650 - 51, 661, 629 - 80, 705 и примеч.64, 54-58.
- 68 Frankreich im Jahre, 1795, II B., №5, S.19-21
- 69 Корреспондент сообщает, что такие газеты, как Moniteur, имеют 6-8 человек и ложе журналистов, которые стремятся отметить имена, речи и действия членов Конвента, поведение трибун и все происшествия в заседании; редактор же из этих отдельных записей составляет общую сводку (ibid, II B., S.21-22). См. о заседании 1-го прериала Moniteur от 23-25 мая 1795 г. или Bouchez et Roux, t.36, pp.314-66.
- 70 Корреспондент, возмущаясь позорным убийством F?raud, указывает, с одной стороны, на мужественное поведение этого депутата, защитившего своим телом председателя собрания Буасси д'Англа, а с другой, склонен приписать убийство кому-либо из продажного сброда иностранцев, объясняя попустительство народа тем, что он веками жил под игом деспотизма (Frankreich im Jahre 1795, II B., № 5, S.23 - 25, 28). Не имея возможности, за недостатком места, останавливаться здесь на деталях этого убийства, отмечу лишь, что в данном случае мы не находим особой точности не только у корреспондента, но и в отчете Moniteur`а (Bouchez et Roux, t.36, p.339), в донесениях полиции (Aulard, Paris pendant la reaction thermidorienne, t.I, pp.735, 738, 745), в воспоминаниях современников (M?moires de Larevellire-Lepeaux, P. 1895, t.I, pp.206, 219), (M?moires de Barras, P. 1895, t.I, p.230 и др.) и у прежних историков революции (Barante, Histoire de la Convention Nationale, P. 1853, t. V, pp. 391-92; L.Blanc, Histoire de la R?volution fran?aise, P. 1869, t.12, pp.231-32,245; Michelet, Histoire du XIX-e Si?cle, P. 1875, t.I, p.218).
- Распространенным среди историков мнением было то, что Ферро (F?raud) был убит по ошибке, по созвучию фамилии, вместо Фрерона (Fr?ron), ненавистного в предместьях руководителя «золотой молодежи» (Memoires de R. Levasseur la Sarthe, Bruxelles, 1832, t.V, p.20; А.С.Thibaudeau, Memoires sur la Convention et le Directoire, 2 ?d P. 1828, t.I, p.166; Peltier, Paris pendant l'ann?e 1795, London, 1795, p.238). По мнению J.Claretie, автора специальной работы о прериальском восстании, Ферро был убит сумасшедшей Aspasia Curte Migelle, торговкой туалетными принадлежностями, которая приняла его за Фрерона; толпа также считала труп убитого за труп Фрерона (Les derniers montagnards, P. 1867, pp.151-54, 192-93, 356-61). К этому мнению примыкает G.Deville (Thermidor et Directoire, pp.92-93, 95, 97).
- 71 Frankreich im Jahre, 1795, II B. № 5, S.28-32.
- 72 Ibid., II B, № 5, S. 26; ср. III B., № 10, S.145.

- 73 Эта статья из *Courrier Universel* от 10/VI 1795 г. приведена в *Frankreich im Jahre 1795*, II B, № 6, S.99-101; Ср. А.Олар, Термидорианская реакция. Очерки и лекции, стр.335-36.
- 74 *Frankreich im Jahre 1795*, II B, № 5, S.88-90
- 75 *Ibid*, II B., № 5, S 93
- 76 Ср. Aulard, *Paris pendant la reaction thermidorienne*, t.II, p.238, 274, 282 и др.
- 77 Статьи этого роялистического писателя с похвалой переписывал, напр., эмигрантский журнал, издававшийся Peltier в Лондоне: «*Paris pendant Ann?e 1795*» (London, 1795, см. t.1, pp.129-56; t.II, pp.420-30; t.III, pp.50-55). О Рише Серизи он отзывался так: «Это свидетель - очевидец, мужественный человек и пылкий писатель, описывает то, что он чувствует» (*ibid.*, p.128). Лакретель в своих воспоминаниях о революции приводит свой разговор с этим Рише Серизи перед восстанием 13-го вандемьера, в котором тот проявляет себя противником программы конституционной монархии, защищаемой Лакретелем, находя в ней «фельянтский вздор». В случае восстановления монархии он хочет потребовать для себя «выдающегося поста и голубой ленты» (*Lacretelle, Dix ann?es d'epreuves pendant la Revolution*, P. 1842, pp.254-56, ср. pp.23-24). Ср. А.Олар, *Политическая история французской революции*, 2 изд., 585, прим.3.
- 78 *Frankreich im Jahre 1795*, II B, № 7, S.268-72.
- 79 *Ibid*, I B., № 3, S.257.
- 80 *Ibid*, II B., № 5, S.127.
- 81 Lacretelle, *Dix ann?es d'epreuves pendant la R?volution*, P., 1842, pp.235 - 36, 247.
- 82 De-Vaublanc, *M?moires sur la Revolution de France*, P. 1833. II, pp.365 - 66.
- 83 См. Г.Кунов. *Борьба классов и партий в Великой Французской революции*, 3 изд., М-П., 1923, стр.260-71.
- 84 *Correspondance in?dite de Mallet du Pan avec la Cour Vine*, P. 1884, t.I, pp.42-43, 219, 221, 226-27; ср. Barante, *Histoire de la Convention*, P. 1853, t.VI, pp.286-89, 400. О роялистическом настроении во Франции и ненависти к Конвенту говорит еще в своих письмах одна англичанка, жившая во Франции в 1792-95 г.г. и арестованная во время террора (*Un sejour en France de 1792 ? 1795. Lettre'un t?moin de la Revolution fran?aise*, traduite par H. Taine, P. 1872. pp.299-300).
- 85 См., напр., Peltier, *Paris pendant l'ann?e 1795*, Londres I B, pp. 10-14, 37 и др.
- 86 Н.Кареев, *Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора III года* (Ж.М.Н.Пр., 1915 г., март, стр.125-26); он же, *Было ли восстание, вандемьера IV г. роялистическим?* (Сборник статей в честь проф. В.П.Безескула, Харьков, 1914 г., стр.233- 34; ср. он же, *Реакция в парижских секциях после 1-го прериала III года*. (Исторические известия, 1916 г., № 3-4, стр.75-88).
- 87 А.Олар, *Политическая история французской революции*, 2 и стр. 633-35; ср. *Moniteur* от 23/IX 1795 г.
- 88 По мнению Тьера, на активное выступление толкнули парижскую буржуазию честолюбцы и особенно роялисты, скрывавшие свои истинные намерения (A.Thiers, *Histoire de la R?volution fran?aise*, 13 ?d., 1865. t.VII, pp. 324-75; особ. pp.324, 339-41, 348-50, 361, 373-74).
- 89 «13 вандемьера было 10 августа роялистов против республики, с тем различием, что Конвент значительно лучше сопротивлялся буржуазии, чем трон предместьям» (Mignet, *Histoire de la R?volution fran?aise*, II ?d., 1875. II, pp.169-70; ср. pp.160-170).
- 90 Bouchez et Roux, *Histoire parlementaire de la R?volution fran?aise*, P. 1838, t.37, pp.26, 31-32 и др.
- 91 L.Blanc, *Histoire de la R?volution fran?aise*, ?d 1869 ; см. t.XIII, главы II и III кн.16-й, озаглавленные: «Борьба между термидорианцами и роялистами» (pp.218-47) и «Победа термидорианцев над роялистами» (pp. 247-89), особ. pp.250, 252, 255, 263.
- 92 Мишле, следуя, подобно Л.Блану, показаниям Реаля, главную роль в движении приписывает роялистам (J Michelet, *Histoire du XIX Si?cle*, P. 1875, t.I, pp.295-330, особ. pp. 301, 308, 313-14). Н.Кареев, характеризуя взгляды французских историков на 13 вандемьера, не останавливается на Мишле, говоря, что он довел свой труд лишь до 9 термидора (Н.Кареев, *Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора III года* Ж.М.Н.Пр., 1915 г., март, стр.112). В последней своей работе «Историки французской революции» (Л., 1924) он упоминает об «Истории XIX в.» Мишле, являющейся продолжением его труда о революции, но также не останавливается на ней, считая ее более слабой чем т.I, стр.155, 187; т.III, стр.279)
- 93 Кинэ называет 13 вандемьера «роялистическим 10 августа» (E.Quinet, *La R?volution*, 4 ?d. II. 1866, t.II, pp.400-401, ср. p.405).
- 94 По мнению Олара, в восстании 13 вандемьера деятельное участие принимали замаскированные роялисты (А.Олар, *Политическая история французской революции*, 2 изд., стр.584-85; он же, *Термидорианская реакция в Париже*. Очерки и лекции. II. 1908, стр.136-37).
- 95 Дэвилль считает, что движением буржуазных секций против Конвента руководили роялисты (G.Deville, *Thermidor et Directoire*, pp.128-47, особ. pp.137-38, 143, 145).
- 96 Зиви приходит к выводу, что движением руководили роялисты, не выступавшие, однако, открыто со своими взглядами, и что победа секций привела бы к восстановлению королевской власти (H.Zivy, *La journe? de 13 vendcmiaire*, La Biblioth?que de la Facult? de Lettres de l'Universit? de Paris, P. 1898,
- 97 Н.Кареев. *Было ли восстание 13 вандемьера IV года роялистическим?* (Сборник статей в честь проф. В.П.Безескула, X. 1914, стр.246); ср. он же, *Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора III г.* (Ж.М.Н.Пр. 1915, март, стр.108-22); он же, *Политические выступления парижских секций во время великой революции* (Русское Богатство, 1912 г., кн.12, стр.56 и дал.65). Н.Кареев и теперь продолжает держаться взгляда, что восстание 13 вандемьера нельзя считать роялистическим (Историки Французской революции. Л. 1924, т.II, стр.203).
- 98 Barante, *Histoire de la Convention Nationale*. P. 1853, t.VI. pp. 342, 389, 401.
- 99 Сорель, приписывая движение в секциях умеренным конституционалистам, опиравшимся на парижскую буржуазию, полагает, что победой секций могли воспользоваться роялисты, содействовавшие восстанию (Европа и Французская революция, П. 1892, т.IV. стр.334-37)

- 100 Консервативные историки: Тэн, Ссиу, сочувствующие восстанию 13 вандемьера против Конвента, считающие его движением парижской буржуазии (Tain. La Revolution - 24 ed., P. 1804, t.II, p.346; L.Sciout, Le Directoire. P. 1895, t.I, p.352-353, 355, 365-367).
- 101 Н.Кареев, Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора III г. (Ж.М.Н.Пр., 1915, март, стр.125).
- 102 Н.Кареев, Политические выступления парижских секций (Рус.богатство, 1912, кн.12, стр.58).
- 103 Н.Кареев, Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора III г., стр.160, ср.стр.165.
- 104 Н.Кареев, Политические выступления парижских секций (Рус.богатство, 1912, кн.12, стр.56-58).
- 105 Н.Кареев, Было ли восстание 13 вандемьера IV года роялистическим? (Сб.статей в честь проф. Безескула. X., 1914, стр.241).
- 106 Н.Кареев, Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора III г. (Ж.М.Н.Пр., 1915, март, стр.161).
- 107 Frankreich im Jahre 1795, II B., № 7, S.268; № 8, S.358; III B., № 9, S.3-4; № 10, S.110.
- 108 Ibid., t.III B., № 9, S.3-6; ср. Aulard, Paris pendant la reaction thermidorienne, t.II, pp.252-256.
- 109 L.Sciout, Le Directoire, P. 1895, t.I, pp.402, 419-420; А.Олар, Политическая история французской революции, 2 изд., стр.636.
- 110 Frankreich im Jahre 1795, II B., № 7, S.272-273
- 111 Ср. А.С.Tribaudeau, M?moires sur la Convention et Directoire, 2 ?d, P. 1827, t.I, pp.213-14.
- 112 Frankreich im Jahre 1795, II B., № 8, S.359-61.
- 113 Ibid., III B., № 10, S.110.
- 114 Н.Кареев. Политические выступления парижских секций (Рус. Богатство, 1912 г., кн.12, стр.65).
- 115 De-Vaublanc, M?moires sur la R?volution de France. P. 1833, t.II, p.368.
- 116 Н.Кареев. Политические выступления парижских секций (Рус. Богатство, 1912 г. кн.12, стр.59).
- 117 Эти секции следующие: Quinze-Vingt, Montreud, Popincourt, Gardes Fran?aises, Thermes et Faubourg-Montmartre (См. Moniteur от 8, 15, 17 и 12-го вандемьера IV г.).
- 118 Н.Кареев. Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора III г. (Ж.М.Н.Пр. 1915, март, стр.122,160-61); ср. Moniteur от 17 и 18 вандемьера IV г.
- 119 Bouchez et Roux, t.37, p.32.
- 120 Ibid., t.37, p.45
- 121 Ibid., t.37, p.54 и далее.
- 122 M?moires de Barras, P. 1895, t.1, p.247.
- 123 Ibid., t.1, p.258.
- 124 M?moires de Lareveillere-L?peaux, P. 1895, t.1, pp.255-6.
- 125 Tibaudeau, M?moires sur la Convention et Directoire, 2 ?d, P. 1827, t.I, pp.188, ср. p.199.
- 126 Ibid., t.1, p.208-210.
- 127 M?moires sur Carnot par son fils, P. 1861, t.1, p.587.
- 128 S.Mercier. Paris pendant la R?volution, P. ?d. 1862, t.II, pp.71, 215, 218, 251.
- 129 Fr. Pag?s, Histoire secr?te de la R?volution fran?aise, P. 1897, t.II, pp.342-43, 347, 361.
- 130 Touchard-Lafosse, Souvenirs d'un demi-si?cle, 1789-1810 (?); P. 1836, t.V, pp.347, 361.
- 131 llyde De-Neuville, M?moires et souvenirs, P. 1888, t.1, p.30.
- 132 Lacretable, Dix ann?es d'?preuves pendant la R?volution; P. 1842. pp 255-56.
- 133 C'?tait le quartier de l'argent ci pourtant du courage (ibid., p.258).
- 134 Ibid., pp.249-53; ср. Madame de Sta?l, Considerations sur les prineipaux evenenients de la re'vol. fr.; 11 6d. 1843, pp.309-310.
- 135 Latretelle. Pr?cis historique de la R?volution fran?aise. Convention Nationale, t.II, Paris, 1803, pp.462-63.
- 136 Fr. Pag?s, Histoire secr?te de la R?volution fran?aise, P. 1797, t.II, p.343.
- 137 Correspondance in?dite de Mallet du Pan; P. 1884, t.1, p.340.
- 138 Ibid., t.I, pp.315-16, 318-19, 322, ср. Peltier, Paris pendant l'ann?e 1795; Londres, 1795, t.I, pp. 444-45; t.III, p.298.
- 139 Aulard, Paris pendant la r?action thermidorienne, t.II, pp.221, 251-52, 273.
- 140 Ibid., t.II, pp.230, 242, 252, 255, 256, 261, 269.
- 141 Ibid., t.II, pp.286, 299-300, 305, 314 и др.
- 142 Ibid., t.II, pp.227, 228, 235.
- 143 Ibid., t.II, p.232.
- 144 Ibid., t.II, p.296; ср. pp.306, 311.
- 145 Ibid., t.II, p.252.
- 146 Ibid., t.II, p.256.
- 147 Ibid., t. II, p. 290; ср. pp.306, 312 - Courier fran?ais от 19 IX 1795 г. противопоставляет «народ секций» «народу ежедневного труда» (Ibid., t.II, p.249), и Censur des journaux, от 24/ IX 1795 г., пишет, что на собраниях секций играют роль «порядочные люди» (les gens comme il fant), ibid., t.II, p.271.
- 148 Ibid., t.II, p.305; ср. p.314.
- 149 Ibid., t.II, p.312.
- 150 Н.Кареев, Было ли восстание 13 вандемьера IV года роялистическим? (Сб. статей в честь проф. В.Безескула, X, 1914, стр.238-41); он же, Политические выступления парижских секций (Рус. Богатство, 1912 г., кн.12, стр.56). В противоположность Н.Карееву, Е.Тарле, на основании этого же источника, называет восстание 13 вандемьера «роялистическим» (Рабочий класс во Франции в эпоху революции, ч.II, П. 1911, стр.499).
- 151 Н.Кареев, Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора III г. (Ж.М.Н.Пр., 1915 г., март, стр.163); ср. А.Олар, Термидорская реакция, Очерки и лекции, П. 1908, стр.334-37 и др.
- 152 Frankreich im Jahre 1795, I B., № 3, S.256; II B, № 5, S.26, 88; III B., № 9, S.89-91; № 10, S.135.